

Платонов Андрей
Разноцветная бабочка

Андрей Платонович Платонов

Разноцветная бабочка

На берегу Чёрного моря, там, где Кавказские горы поднимаются от берега к небу, жила в каменной хижине одна старушка, по имени Анисья. Хижина стояла среди цветочного поля, на котором росли розы. Невдалеке от цветочного поля находился пчельник, и там также издавна жил пчеловод дедушка Ульян. Дедушка Ульян говорил, что когда он ещё молод был и приехал на кавказскую сторону, то Анисья уже была старой бабушкой, и никто тогда не знал, сколько Анисье лет, с каких пор она живёт на свете. Сама Анисья тоже не могла этого сказать, потому что забыла. Помнила она только, что в её время горы были молодые и не покрыты лесом. Так она сказала когда-то одному путешественнику, а тот напечатал её слова в своей книге. Но и путешественник тот давно умер, а книгу все забыли.

Дедушка Ульян приходил раз в год в гости к Анисье; он приносил ей мёду, чинил ей обувь, осматривал, не худым ли стало ведро, и перекладывал черепицу на крыше хижины, чтобы внутрь жилища не проникал дождь.

Потом они садились на камень у входа в жилище и беседовали по душам. Старый Ульян знал, что едва ли он придёт в гости к Анисье на следующий год: он уже был очень стар и знал, что ему наступала пора помирать.

В последний раз, как виделся Ульян с Анисьей, он рассмотрел, что железная дужка очков, которые носила Анисья, стала тонкой, слабее нитки, и вот-вот сломается, - дужка истёрлась от времени о переносицу Анисьи. Тогда Ульян укрепил дужку проволокой, чтоб очки ещё служили и через них можно было смотреть на всё, что есть на свете.

- А что, бабушка Анисья: нам с тобой срок жизни весь вышел, - сказал Ульян.

- Ан нет, у меня срок не вышел, - отозвалась Анисья. - У меня тут дело есть, я сына ожидаю. Покуда он не вернётся, я жить должна.

- Ну живи, - согласился Ульян. - А мне пора. Ульян ушёл и вскоре умер от старости лет, а Анисья осталась жить и ожидать своего сына.

* * *

Сын её Тимоша убежал из дома, когда был ещё маленьким, а Анисья была молодой, и с тех пор Тимоша не вернулся к матери. Он каждое утро убегал из дома в горы, чтобы играть там, разговаривать с камнями гор, отзывающихся на его голос, и ловить разноцветных бабочек.

К полудню Анисья выходила на тропинку, идущую в горы, и звала своего сына:

- Тимоша, Тимоша!.. Ты опять заигрался, и ты забыл про меня.

- Сейчас, мама, я только бабочку поймаю.

Он ловил бабочку и возвращался к матери. Дома он показывал бабочку и горевал, что она больше не летает, а только ходит тихо, понемногу.

- Мама, чего она не летит? - спрашивал Тимоша, перебирая крылышки у бабочки. - Пусть она лучше летает. Она умрёт теперь?

- Не умрёт и жить не будет, - говорила мать. - Ей надо летать, чтобы жить, а ты её поймал и взял в руки, крылышки ей обтёр, и она стала больная... Ты не лови их!

Каждый день Тимоша бегал в гору по старой тропинке. Мать Анисья знала, что та тропинка через малую гору идёт на большую, а с большой на высокую, где всегда на вечер собираются облака, а с той высокой горы - на самую лютую, самую страшную вершину всех гор, и там тропинка выходит к небу. Анисья слышала, что тропинку проложил неизвестный человек, который ушёл по ней на небо через самую высокую гору, - ушёл и более не вернулся; он был бездетный, никого не любил на свете, земля ему была не мила, и все его забыли; осталась от него лишь тропинка, и по тропинке той мало кто ходил после него.

Только Тимоша бегал по этой тропинке за бабочками.

Один раз Тимоша шёл домой: настало вечернее время, и цветы уже дремали в сумерках на склоне горы. Возле тропинки росла одинокая былинка, её головка выглядывала из-под обрыва на того, кто шёл по земле, и на лице её блестел маленький чистый свет. Тимоша увидел, что это упала капля росы на былинку, чтобы она испила её.

"Это добрая капля!" - подумал Тимоша.

Здесь разноцветная большая бабочка села на эту былинку и затрепетала крыльями. Тимоша испугался: он никогда ещё не видел такой бабочки. Она была велика, словно птичка, и крылья её были в цветах, каких Тимоша не видел никогда. От дрожания её крыльев мальчику казалось, что свет отходит от неё и звучит, как зовущий его тихий голос.

Тимоша протянул руку за сияющей дрожащей бабочкой, но она перелетела на большой камень. Тогда Тимоша сказал ей издали:

- Давай поговорим!

Бабочка не говорила и не смотрела на Тимошу: она только боялась его. Должно быть, она была недобрая, но она была так хороша...

Бабочка поднялась с камня и полетела над тропинкой в гору. Тимоша побежал за ней, чтобы ещё раз поглядеть на нее, потому что он не нагяделся.

Он бежал за бабочкой по тропинке в горах, а ночь уже потемнела над ним. Он не сводил глаз с бабочки, летящей перед ним, и лишь по памяти не сбивался с тропинки.

Бабочка летела вольно, как хотела: она летела вперёд, назад, в сторону и сразу в другую, как будто её сдувал невидимый ветер, а Тимоша, задыхаясь, бежал за нею следом.

И вдруг он услышал голос матери:

- Ты опять заигрался, ты опять забегался, и ты забыл про меня!

- Сейчас, мама, - ответил Тимоша. - Я одну только бабочку поймаю, самую хорошую, последнюю.

Бабочка пролетела мимо самого лица Тимоши: он почувствовал тёплое дуновение её крыльев, а потом бабочки не стало нигде.

Он искал её глазами в воздухе и около земли, он побежал назад, но бабочки не отыскал.

Наступила ночь. Тимоша бежал по тропинке в гору. Ему казалось, что бабочка светится крыльями невдалеке от него, и он протягивал руки за нею. Он миновал уже малые и большие горы и подымался на самую страшную, голую вершину всех гор, где тропинка выходит к небу.

Тимоша добежал до конца тропинки и оттуда сразу увидел всё небо, а близко от него сияла большая добрая жмурящаяся звезда.

"А я звезду схвачу! - подумал Тимоша. - Звезда ещё лучше, а бабочки мне теперь не надо".

Он забыл о земле, потянулся руками в небо и упал в пропасть.

Наутро Тимоша огляделся, где он. Кустарник рос по отвесу горы и выходил к берегу маленького ручья. Ручей тот начинался родником у подножия горы, потом протекал недолго вниз по земле и впадал в небольшое озеро, а из озера вода подымалась туманным душным паром, потому что и утром было жарко в этом месте. Кругом стояли голые стены гор, уходящих до высокого неба, по которым никому нельзя взойти, а можно только взлететь по воздуху, как бабочка.

Горы огораживали дно пропасти, где очутился маленький Тимоша. Он весь день ходил по дну этой пропасти, и везде была одна каменная стена гор, по которым нельзя подняться и уйти отсюда. Здесь было жарко и томительно; Тимоша вспомнил теперь, что дома у матери было прохладней.

По берегу ручья в траве и кустарнике жужжали и жили стрекозы, и всюду летали такие же светящиеся бабочки, какую хотел вчера поймать Тимоша. Бабочки трепетали над жаркой землёй,

и слышен был шум их крыльев, но Тимоша не хотел их ловить, и скучно ему было смотреть на них.

- Мама! - позвал он в каменной тишине и заплакал от разлуки с матерью.

Он сел под каменной стеною горы и стал карябать её ногтями. Он хотел протереть камень и сквозь гору уйти к матери.

* * *

С тех пор, как мальчик Тимоша очутился на дне каменной пропасти, прошло много лет. Тимоша вырос большим. Он нашёл куски самого крепкого камня, упавшие когда-то с вершины горы, и наточил их о другие такие же крепкие камни. Этими камнями он бил и крошил её, но гора была велика, и камень её тоже крепок.

И Тимоша работал целые годы, а выдолбил в кремнистой горе лишь неглубокую пещеру, и ему было ещё далеко идти сквозь камень домой. Оглядываясь от работы назад, Тимоша видел разноцветных бабочек, которые летали целым облаком в жарком воздухе. Ни разу, с самого детства, Тимоша не поймал более ни одной бабочки, и когда бабочка нечаянно садилась на него, он снимал её и бросал прочь.

Всё реже и реже он слышал голос матери, звучавший в его сердце: "Тимоша, ты забыл про меня! Зачем ты ушёл и не вернулся?.."

Тимоша плакал в ответ на тихий голос матери и ещё усерднее долбил и крошил каменную гору.

Просыпаясь в каменной пещере, Тимоша иногда забывал, где он живёт, он не помнил, что уже прошли долгие годы его жизни, он думал, что он ещё маленький, как прежде, что он живёт с матерью на берегу моря, и он улыбался, снова счастливый, и хотел идти ловить бабочек. Но потом он видел, что возле него камень и он один. Он протягивал руки в сторону своего дома и звал мать.

А мать смотрела в звёздное небо, и ей казалось, что маленький сын её бежит среди звёзд. Одна звезда летит впереди него, он протянул к ней руку и хочет поймать её, а звезда улетает от него всё дальше, в самую глубину чёрного неба.

Мать считала время. Она знала, что если бы Тимоша бежал только по земле, он бы уже давно обежал всю землю кругом и вернулся домой. Но сына не было, а времени прошло много. Знает, Тимоша ушёл дальше земли, он ушёл туда, где летят звёзды, и он вернётся, когда обойдёт весь круг неба. Она выходила ночью, садилась на камень около хижины и глядела в небо. И ей чудилось, что она видит своего сына бегущим в Млечном Пути. Мать тихо говорила:

- Вернись, Тимоша, домой, уже пора... Зачем тебе бабочки, зачем тебе горы и небо? Пусть будут и бабочки, и горы, и звёзды, и ты будешь со мной! А то ты ловишь бабочек, а они умирают, ты поймаешь звезду, а она потемнеет. Не надо, пусть всё будет, тогда и ты будешь.

А сын её в то время по песчинке разрушал гору, и сердце его томилось по матери.

Но гора была велика, жизнь проходила, и Тимоша стал стариком.

* * *

И вот однажды наступил его срок. Он услышал изнутри каменной горы, как загремело ведро. Тимоша по звуку узнал, что это было их ведро, ведро его матери, и закричал, чтоб его услышали. И правда, это была мать Тимоши, пришедшая за водой; она брала теперь всего четверть ведра, потому что больше не могла унести.

Мать услышала, что кто-то кричит из горы, но не узнала голоса своего сына.

- Ты кто там? - спросила она. Тимоша узнал голос матери и ответил:

- Мама, я забыл, кто я.

Мать опустилась на каменную землю и прильнула к ней лицом.

Сын обрушил последние камни в горе и вышел на свет к матери. Но он не увидел её, потому что ослеп внутри каменной горы. Старая Анисья поднялась к сыну и увидела перед собой старика. Она обняла его и сказала:

- Родила я тебя, а ты ушёл. Не вырастила я тебя, не попитала и поласкать не успела...

Тимоша припал к маленькой, слабой матери и услышал, как бьётся её сердце.

- Мама, я теперь всегда с тобой буду!

- Да ведь старая я стала, полтора века прожила, чтоб тебя дождаться, и ты уже старый. Умру я скоро и не полюбуюсь тобой.

Мать прижала его к своей груди; она хотела, чтобы всё дыхание её жизни перешло к сыну и чтобы любовь её стала его силой и жизнью.

И она почувствовала, что Тимоша её стал лёгким. Она увидела, что держит его на руках, и он был теперь опять маленьким, каким был тогда, когда убежал за разноцветной бабочкой. Жизнь её любовью перешла к сыну.

Старая мать вздохнула последним счастливым дыханием, оставила сына и умерла.